

до

№1 (165) 2026
akvobr.ru

Как готовить
специалистов
завтрашнего дня?
Томский кейс

Эдуард Галажинский

« Сетевой формат реализации образовательных программ – стратегический инструмент трансформации содержания и организации высшего образования.

Содержание

4 **Экспертный совет «АО». Высшее образование** Сетевой формат обучения в российских вузах: потенциал, болевые точки, лучшие практики

17 **Экспертный совет «АО». Среднее профессиональное образование** Колледж – работодатель: задачи на 2026 год

22 Политика качества

23 Батанов А.В. Заход в будущее «в ручном режиме» (Репортаж с IV Томского международного форума «Преобразование образования»)

36 Кейсы

37 Карпова Н.А., Курзина И.А., Луков Е.В., Нестерова Н.В., Осипова Т.Ю., Руденко Т.В., Рыжих Ю.Н., Шашев Д.В. «Сетевой формат становится незаменимым в стратегических направлениях» (Национальный исследовательский Томский государственный университет)

48 Международное сотрудничество

49 Образование будущего рождается в диалоге. Итоги ежегодной академической конференции APQN в Гонконге

56 Мотова Г.Н. «Цель оценки – не фиксировать, а улучшать»



«Цель оценки – не фиксировать, а улучшать»

К итогам ежегодной конференции Азиатско-Тихоокеанской сети гарантии качества

«Развитие сотрудничества с рынком труда для обеспечения качества высшего образования» – так была обозначена общая тема ежегодной академической Конференции APQN, состоявшейся в конце 2025 года в Гонконге. Но беседа с президентом APQN, директором Нацаккредцентра, главным редактором «АО», доктором педагогических наук Галиной Мотовой вышла далеко за рамки названной темы, настолько она оказалась многослойной и многоаспектной. Каким должен стать «университет будущего» и что такое T-образная модель подготовки? Почему понятие *employment* (трудоустройство) должно замениться на *employability* (трудоустраиваемость)? ИИ при оценке качества образования – это ассистент или судья? Эти и другие вопросы стали предметом обсуждения международного экспертного сообщества.

– Галина Николаевна, вопросы взаимодействия высшей школы и рынка труда определили основную повестку состоявшейся в Гонконге конференции APQN 2025 года. Какие факторы, по оценке участников конференции, более всего влияют и на самую высшую школу, и на ее взаимодействие с рынком труда?

– Пожалуй, прежде всего необходимо сказать об общем консолидированном мнении участников конференции APQN о том, что с появлением искусственного интеллекта и новых цифровых технологий мы вошли в новую эпоху. Эти технологии проникают во все сферы нашей жизни, меняя мир кардинально. Фактически, дальнейшее развитие мировой экономики и производства, а также благополучие и безопасность жизни людей теперь во многом будут зависеть от умения правильно их использовать. И мировой рынок труда, и высшая школа развиваются в этом же тренде и в этом же контексте.

Судите сами: рынок труда, наряду с профессиональными знаниями и компетенциями, уже не просто ожидает или рекомендует, а все чаще требует от соискателей цифровых компетенций и навыков работы с искусственным интеллектом. Бизнес ждет, что ИИ поможет в работе, сократит непроизводительные рабочие места и создаст новые экономически выгодные. ИИ в этом процессе воспринимается не как самоцель, а как мощный катализатор, позволяющий преодолевать языковые и административные барьеры, анализировать рынки и адаптировать технологии с невиданной скоростью, обеспечивать высокое качество продуктов и услуг на международном уровне.

Высшее образование не может не реагировать на изменение запросов рынка труда, который предъявляет к выпускникам новые требования: быть профессионалом в своей области и при этом владеть широкими гибкими компетенциями.

– У мирового академического сообщества есть понимание, как готовить такие кадры?

– Речь идет о так называемой T-образной модели подготовки. Например, в сфере подготовки инженерных кадров она нацелена на глубокие знания и компетенции в конкретной инженерной области (вертикаль) и широкий спектр знаний и умений в гуманитарных областях (горизонталь). Такая модель подходит и для гуманитарных направлений, если необходимо подготовить специалиста, например, по экономике, юриспруденции, психологии с навыками работы с базами данных, с цифровыми платформами, с искусственным интеллектом. Иными словами, общая идея модели

в том, что специалисты с T-образными компетенциями смогут решать профессиональные задачи, оценивать проблемы с разных сторон и находить нестандартные решения.

Но, чтобы получить таких высококвалифицированных специалистов, сотрудничество между академическими кругами и бизнесом должно выйти за рамки теоретических дискуссий. Нам необходимо создавать интегрированные экосистемы, нацеленные на совместные разработки учебных программ, на включение реальных проектов в учебный процесс, на содействие академической и профессиональной мобильности. Именно такое сотрудничество гарантирует, что навыки, которым обучают в вузах, будут востребованы на рабочем месте, а сами вузы станут динамичными центрами инноваций, во многом определяющих экономическое и социальное развитие своих стран.

– Вы обозначили динамичность как одну из ключевых характеристик современной системы образования. Действительно, развитие технологий и вслед за ними рынок труда меняются со все возрастающей скоростью. Как в такой скоростной режим включиться высшей школе? Без индустриальных партнеров невозможно. Что еще?

– Да, цифровизация увеличивает скорость приращения информации и ее доступность, знания быстро устаревают, а значит, нужно научить человека постоянно учиться новому, менять траекторию профессионального развития, быть способным к освоению новой профессии. Это объективный процесс. Но к чему он нас подталкивает? Во-первых, к смене некоторых базовых понятий, на которые до сих пор ориентировались общество и национальные системы подготовки кадров: понятие *employment* (трудоустройство) – на *employability* (трудоустраиваемость), а понятие *life long learning* (обучение в течение всей жизни) – на *educational journey* («образовательное путешествие»). Во-вторых, необходимо менять концепцию образования и миссию университетов с учетом вопросов, которые сегодня стоят перед академической общественностью: какое будущее у высшего образования в эпоху ИИ и как использовать ИИ в высшем образовании? Как научить использовать новые технологии (там, где это необходимо) и научить воздерживаться от их использования (где есть угроза жизни и здоровью человека)? А также с учетом того фактора, что классическая модель университета, где преподаватель и студенты взаимодействовали «в одном месте в одно время», уходит в прошлое. Сейчас можно обеспечить взаимодействие и получение информации в любом месте и в любое

время. Формируется альтернатива классическому образованию: иные провайдеры (EDTech и IT-компании, корпоративные университеты) и иные квалификации, например, микроквалификации (micro credentials, digital degrees).

– Судя по СМИ, в России дискуссия о возможности использования технологий искусственного интеллекта в высшей школе резко нарастает. Каково мнение по этой теме зарубежных коллег-участников Конференции APQN?

– Надо сказать, что ИИ уже активно используется в высшем образовании: при администрировании образовательного процесса, при создании учебного контента на разных языках и разных форматах, при формировании оценочных материалов, проверке студенческих работ, анализе их результатов и прогнозировании успеваемости, при сборе и систематизации обратной связи от всех заинтересованных лиц. Но для международного академического сообщества самым главным и важным вопросом сегодня остается вопрос о качестве образования, о качестве подготовки специалистов. Что делать, если невозможно отличить студенческую работу от машинной, и необходимы ли вообще в таком случае студенческие работы (курсовые, дипломные, диссертационные)? Имеет

«Нам как экспертному сообществу необходимо в своей работе придерживаться ключевого принципа: быть для системы высшего образования не столько охранником (gate-keeper) и контролером, сколько проводником в мире новых трендов и технологий, выявлять и распространять лучшие практики, способствовать диалогу и обмену опытом...».

ли смысл запрещать использование ИИ? Что поверять: что студент сделал или как он это сделал? С появлением интернета исчезла сама необходимость проверять знания, а с появлением ИИ – нет необходимости проверять и учебные компетенции?.. А вслед за этими вопросами логически возникают и следующие, фундаментальные для высшей школы как общественного института: каково будущее университета? Каков сам будущий университет? Будет ли это университет как лаборатория по созданию гибридного интеллекта, единая познавательная система, где ИИ – внешняя память и вычислительный модуль, а человек – источник творчества, эмоций, этических оценок? Образовательный процесс в таком университете – это изучение не предметов, а способов мышления. Или университет должен стать центром компетенций, частью рынка труда для подготовки «операторов ИИ-систем»? И в таком университете образовательный процесс – это выращивание кадров внутри производственных цепочек, своего рода корпоративный университет «на аутсорсинге»...

Если говорить о позиции APQN, то мы исходим прежде всего из того, что сеть объединяет экспертное сообщество, обеспечивающее внутреннюю (в вузе) и внешнюю (в стране) гарантию качества высшего образования. И наша главная задача – оценить и гарантировать качество образовательных программ и организаций-провайдеров высшего образования. Но мы также стоим перед условной дилеммой: где поставить запятую во фразе «использовать ИИ в гарантии качества нельзя запретить» – перед словом *нельзя* или перед словом *запретить*? Иными словами, можно ли заменить экспертную оценку инструментами ИИ? И какова роль ИИ в аккредитации: это ассистент или судья?

– Есть ли у экспертов ответы, хотя бы приближенные?

– Можно уже точно выделить очевидные плюсы при использовании ИИ в системе гарантии качества. Первый: ИИ дает автоматизацию рутинных и трудоемких задач (таких как анализ текстов, мониторинг данных, систематизация результатов оценки). Это можно использовать в качестве системы поддержки принятия решения. Второй неоспоримый плюс: ИИ хорош в процессах выявления фактов, проверки доказательств. Здесь результатом может стать повышение объективности процедур оценки.

Но есть и очевидные минусы. Первый связан с отсутствием большого объема накопленной информации, с проблемой качества обучающей вы-

борки (информация об оценке образовательных программ и вузов в большинстве случаев недостаточна, либо недоступна). Второй минус: отсутствие готовых («коробочных») ИИ-решений для использования аккредитационными агентствами (так как далеко не все агентства обладают всеми необходимыми ресурсами, а их сотрудники не владеют в достаточной степени цифровыми компетенциями).

В целом же, общие выводы экспертного сообщества таковы. Во-первых, образование и экспертиза качества образования – это социальная сфера, и искусственный интеллект не сможет в полной мере заменить ни преподавателя, ни эксперта. Во-вторых, провести экспертизу образовательной среды и образовательного процесса в новых условиях сможет только эксперт, владеющий и использующий цифровые технологии и ИИ там, где это приемлемо. В-третьих, главные преимущества эксперта перед ИИ-ассистентом – это способность к сомнению, способность к эмоциональному диалогу, в котором возможны как подтверждение, так и опровержение фактов; это способность к этическому выбору в ситуации неопределенности, когда нет правильного ответа и нужно выбирать между равно важными ценностями, а также способность задавать правильные вопросы и к ИИ, и к аудитории стейкхолдеров.

– Но эти позиции и требования (особенно, когда речь идет об этическом выборе или способности задавать правильные вопросы) еще более «обостряют» ответственность и роль эксперта в сфере оценки качества образования, не так ли?

– Несомненно. Более того, задают и новую миссию, и новые задачи. Поясню. Учитывая важную роль гарантии качества в высшем образовании, нам как экспертному сообществу необходимо в своей работе придерживаться ключевого принципа: быть для системы высшего образования не столько охранником (*gate-keeper*) и контролером, сколько проводником в мире новых трендов и технологий, выявлять и распространять лучшие практики, способствовать диалогу и обмену опытом, быть для вузов равным партнером и даже больше – своим примером демонстрировать ответственное отношение к делу, честность, объективность, независимость и приверженность качеству.

Но для соответствия этому принципу нам необходимо решить следующие задачи. Первая: не отставать в технологическом развитии от тех, кого оцениваем. Далее – в процедурах экспертизы стимулировать и поддерживать инновации в обучении, а не ограничивать их использование жесткими консервативными стандартами. И еще

– привлекать экспертов в предметной области с опытом использования технологических инноваций.

– Важный момент – бюрократическая нагрузка в системе образования. Способен ли ИИ значительно разгрузить людей и снять, наконец, эту наболевшую давнюю проблему?

– По крайней мере, в рамках аккредитационных процедур для снижения излишней бюрократической нагрузки возможны следующие практические меры:

- использование цифровых платформ для сбора, анализа и генерации отчетности, результатов обратной связи;
- интеграция с внутренними информационными системами вузов;
- использование ИИ для замены рутинной работы сотрудников вуза (в процессе самообследования) и экспертов (в процессе внешней экспертизы);
- переход от реактивного к проактивному мониторингу с рекомендациями по предупреждению рисков, оптимизации и эффективности;
- руководство принципом Дэниэла Стафлбима¹: «The purpose of evaluation is not to prove, but to improve» («Цель оценки – не фиксировать, а улучшать»).

В заключение хотелось бы еще раз перечислить базовые принципы гарантии качества в условиях современных вызовов, обозначенные и подтвержденные всеми участниками состоявшейся Конференции APQN:

- сохранение экспертной оценки качества, адаптированной к постоянно меняющимся потребностям студентов и технологическому ландшафту;
- соблюдение академической честности, этических норм и ценностей для применения ИИ;
- обеспечение безопасности данных и конфиденциальности информации.

¹ Американский исследователь, один из основоположников теории оценки образования (1936–2017).